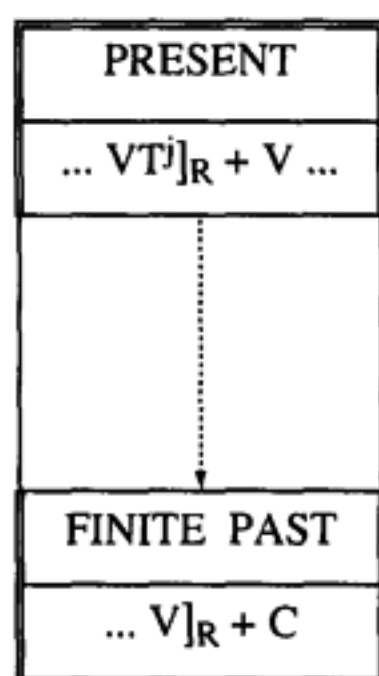

«Вторая и последняя» (как сообщает на первой же странице сам автор, имея в виду монографию [Nesset 1998]) книга известного норвежского слависта Т. Нессета о русском спряжении посвящена описанию некоторых фрагментов русской морфонологии в рамках подхода, принятого в когнитивной грамматике. В фокусе внимания автора – два чередования: усечение и смягчение.

В первой главе (To cut a long story short) автор говорит о своей приверженности когнитивному подходу, декларирует цель своей работы – испытать на конкретном примере применимость когнитивной парадигмы к анализу соотношения между морфологией и фонологией, – а также кратко очерчивает структуру книги.

Во второй главе (Cognitive grammar and the cognitive linguistics family) автор излагает разные подходы, существующие в рамках когнитивизма, и обосновывает свою принадлежность к лангакеровскому подходу. В этой же главе вводится одно из ключевых понятий книги – «схема второго порядка» (англ. second-order schema). Если на «схемах первого порядка» некоторому грамматическому значению сопоставляется то или иное фонетическое выражение, то «схема второго порядка» вовлекает в рассмотрение более широкий фрагмент грамматики: она ставит в соответствие друг другу две схемы первого порядка. Содержательно это означает, что носитель языка может ориентироваться не только на непосредственные характеристики той или иной конкретной формы, но и на ее соотношение с другими формами той же парадигмы.

Пример схемы второго порядка (со с. 151; здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой монографии приводятся непосредственно в тексте):

Приведенная схема читается так: если в настоящем времени корень оканчивался на гласный + мягкий зубной согласный, в личных формах прошедшего времени перед показателем, начинающимся с согласного, последний согласный корня выпадает.

Говоря о русской фонетике, автор справедливо отмечает, что если какое-либо произношение эксплицитно запрещается в нормативных словарях, это является весомым свидетельством его широкой распространенности.

В третьей главе (A cognitive approach to phonology) автор показывает применимость когнитивного подхода к некоторым ключевым понятиям фонологии – таким, как фонемы и аллофоны, системы фонем и фонологические признаки, а также, например, их нейтрализации. В этой же главе вводится используемая в книге транскрипция. Надо сказать, что выбор способа передачи русских слов оказался весьма неудачным. В разных местах книги русские слова подаются либо в латинской транслитерации, либо в латинской же транскрипции, что создает некоторую путаницу.

В четвертой главе (A cognitive approach to morphology) обосновывается возможность применения когнитивного подхода к морфологии. Т. Нессет показывает, что такие морфологические понятия, как основа, окончание, корень, суффикс, словоизменительные классы, а также соотношения между отдельными частями парадигмы могут быть представлены в виде схем – либо первого, либо второго порядка. В этой же главе дается список типов русских глагольных парадигм, кроме того, автор знакомит читателей с материалом двух основных чередований, на описании которых он намерен сосредоточиться, – усечения и смягчения.

Пятая глава (Alternations in Cognitive Grammar: The truncation alternation and the one-stem/two-stem controversy) посвящена подробному рассмотрению чередования усечения. В ней автор разрабатывает когнитивную теорию чередований с учетом соотношения ступеней чередования и окружения, которым оно обуславливается. В славистике дискутируется вопрос о том, следует ли представлять русскую глагольную систему как одноосновную или двухосновную. По мнению Т. Нессета, когнитивная грамматика позволяет обеспечить синтез между этими двумя подходами, поскольку в ней разрешается учитывать как форму, так и значение. Так, для описания чередования усечения (типа *delaj-u > dela~~ʃ~~-l*) требуется учет как формальной, так и семантической стороны соответствующих словоформ.

Один из основных для автора вопросов – соотношение фонологии и морфологии. В шестой главе книги (Neutralization and phonology-morphology interaction: Exceptional infinitive) Т. Нессет обращается к этому вопросу на основе анализа чередований, происходящих в русских атематических глаголах (типа *грести, нести, вести, печь, беречь*). Поскольку когнитивная грамматика позволяет не ограничивать рассмотрение того или иного явления рамками только фонологии или только морфологии, она дает возможность проследить взаимодействие между этими двумя языковыми уровнями и представить его результаты при помощи схем. Русский инфинитив автор описывает как структуру типа «матрешки», где общая модель, применяемая по умолчанию, перекрывается моделью, применяемой по умолчанию к некоторому подмножеству глаголов, а эта последняя, в свою очередь, моделью, применяемой к некоторому еще более ограниченному классу глагольных лексем. Согласно гипотезе, принимаемой в книге, мозг сканирует входящее сообщение на маркеры исключений – если такой маркер обнаружен, цепочка обрабатывается по модели соответствующего исключения, если нет – по модели, применяемой «по умолчанию».

Материалом седьмой главы (Abstractness and alternatives to rule ordering and underlying representations: Exceptional past tense) служат непродуктивные способы образования прошедшего времени типа *мёрзнет – мёрз, несёт – нёс, крадёт – крал*. Анализ усечений, происходящих в этих формах, призван продемонстрировать превосходство когнитивного подхода над классическим способом описания с использованием глубинного уровня и правил порождения поверхностных словоформ. Автор стремится показать, что описание подобных чередований в терминах схем обладает необходимой рестриктивностью (т.е. запрещает появление невозможных форм) и объяснительной силой.

Восьмая глава (Opacity and product-oriented generalizations: Exceptional imperative) завершает рассмотрение усечений, представленных в русских глаголах, анализом форм императива с показателем *-и* (типа *махни, говори*) и нулевым показателем (типа *брось, играй*). Перекрывающие друг друга схемы позволяют автору справиться с морфологической непрозрачностью глагольных форм, не вводя глубинного уровня.

В девятой главе (Palatalization and lenition: The softening alternation) автор обращается к такому широко представленному в русском языке явлению, как смягчение. Он различает обычное (plain softening) и переходное смягчение (transitive softening), предлагает разграничивать собственно «палатализацию» (типа

с – с') и «леницию» (типа *с – ш*). Чередование смягчения автор представляет через взаимодействие схем первого и второго порядка.

Тема палатализации продолжается в десятой главе (Opacity and non-modularity: Conditioning the softening alternation). Рассматривая условия смягчения, происходящего в русских глагольных парадигмах, автор стремится прежде всего показать преимущество принятого в когнитивной лингвистике немодулярного подхода к описанию грамматики. Вместо упорядоченной системы чисто фонологических правил, ведущих от глубинного уровня к поверхностному, автор предлагает схемы, задействующие морфологию, поскольку в языке фонология и морфология не существуют раздельно. Т. Нессет заменяет условия чередования типа «вследствие наличия ненаблюдаемого на поверхностном уровне глубинного сегмента X» на условия, отсылающие к морфологическому контексту.

Соотношение между формами парадигмы позволяет предсказать не только другие формы той же парадигмы, но и распространенные ошибки (типа *стригёт* вместо *стрижёт*). Таким образом, когнитивная грамматика оказывается пригодной для объяснения не только синхронных чередований и индивидуальных ошибок, но и исторических изменений в языке.

Впрочем, пути возможных изменений схемы Т. Нессета указывают не всегда корректно: так, схема 10.2 (с. 197) в качестве ближайшего конкурента для форм типа *вижу* (с переходным смягчением) предполагает формы типа **виду* (вообще без чередования), хотя реально таких ошибок не бывает, зато встречаются формы, где переходное смягчение заменяется простым (типа *ви́ду*). Схема 10.3 (с. 199) исходит из того, что из всех возможных неправильных форм, конкурирующих с формами типа *мажу*, наиболее хорошо согласуются с когнитивными установками формы типа **мазу*, тогда как на самом деле – формы типа *мазаю* (потому мы сейчас говорим *квакает* вместо более раннего *квачет*, *хромает* вместо *хромлет* и т. п.). Это тем более странно, что Т. Нессету принадлежит в высшей степени содержательная статья, посвященная переходу (и не переходу) различных групп глаголов на *-ать* из класса *писать* в класс *делать* [Нессет 2008].

В одиннадцатой главе (The meaning of alternations: the truncation-softening conspiracy) автор стремится доказать, что чередования усечения и смягчения несут семантическую нагрузку, противопоставляя формы со значением прошедшего и не прошедшего времени.

Заключительная, двенадцатая, глава (Conclusion: Looking back... and ahead) подводит итог всей работы.

Основная цель, которую ставит перед собой автор, – описать, как разбирается в сложных морфонологических чередованиях русского языка его рядовой носитель. Когнитивная грамматика исходит из того, что человеку, осваивающему родной язык, неизвестно, как выглядели соответствующие слова тысячу лет назад, ему не даны никакие «глубинные» формы, следовательно, должен существовать способ вывести все правила порождения существующих в языке форм, основываясь только на реально наблюдаемых произнесениях. Например, как носитель русского языка догадывается вставить *j* между основой на *-а* (типа *дела-*) и окончаниями настоящего времени (ср. *-у* в *нес-у* и т. п.)? По гипотезе Т. Нессета, он выводит на основе наблюдений правило, запрещающее стечения гласных на стыках морфем (с. 94). Точно так же, основываясь на выведенных из наблюдений правилах, говорящий по-русски определяет, что инфинитив глагола *лечь* должен выглядеть не как **леть* (ср. *жить*), не как **лести* (ср. *вести*), а именно как *лечь* (с. 124).

Но нередко из схем, приведенных в книге, совершенно неясно, на каком основании носитель языка осуществляет выбор между конкурирующими формами. Так, на с. 103–108 автор рассматривает чередование *-уй-* ~ *-ова-* (в транскрипции [ава]). Т. Нессет показывает, на каком основании можно отбросить формы **организовау* и **организуу* (схема 5.14 на с. 106), а также за счет чего правильная форма *организую* выигрывает у формы **организоваю*. Но для человека, усваивающего русский язык, не меньший интерес представляет вопрос о том, как, слыша форму на *-[авать]*, определить, относится ли она к типу *давать* или к типу *целовать*: в первом случае надо выбрать презенс с усечением *-ва-* (*даю*), во втором – с заменой *-[ава]-* на *-у-* (*целую*). И наоборот, слыша форму презенса на *-ую*, *-уешь* и т. д., человек должен разобраться, имеет ли он дело с глаголом, где *-у-* не чередуется (*дую*, *обую*), или с глаголом на *-овать*. Кстати, ошибки русскоязычных детей показывают, что выбор этот не так-то прост: формы типа *поцелул*, *нарисутъ* встречаются в детской речи едва ли не чаще, чем формы типа *целоваю*, *нарисоваю*. Кроме того, за рамками предложенного анализа остался подкласс глаголов, где тематической морфеме *-ова-* предшествует мягкий согласный (типа *почевать*, *врачевать*, *штемпелевать*). В этом классе слов происходит такое же чередование с *-у-* (*почую* и т. д.), и его необходимо научиться не путать с классом глаголов, где *-е-* относится к корню и чередования нет (ср. *нагревать* – *нагреваю*, *застревать* – *застреваю*), но, в отличие от глаголов типа *давать*, нет и выпадения *-ва-*. Следует отметить, что избранный

автором подход к транскрипции русских слов только запутывает дело: носители русского языка прекрасно «знают», что в глаголах типа *организовать* перед *-ва-* стоит именно *о*, а не *а*: существуют причастия типа *организованный*, где это *о* попадает под ударение.

Во многих случаях автор просто отказывается от рассмотрения конкурирующих между собой моделей. Так, из его работы нельзя узнать, как происходит выбор между типами *делать* – *делает* и *писать* – *пишет*, *пить* – *пьёт* и *гнить* – *гниёт*, *жать* – *жнёт* и *играть* – *играет* (схема на с. 81 этого не указывает, а на с. 80 написано, что цель этой схемы – лишь обрисовать набор возможностей; в дальнейшем автор к этой проблеме не возвращается). Какие причины побуждают автора рассматривать или не рассматривать тот или иной фрагмент системы, сказать сложно: так, на с. 86–87 он отказывается анализировать класс *писать* – *пишу*, который, будучи непродуктивным, тем не менее насчитывает около сотни глаголов, а на с. 121–125 подробно описывает куда менее многочисленную группу глаголов типа *лечь*, *стричь*.

Не вполне понятно, почему основу глаголов автор отсчитывает от инфинитива – вероятнее всего, причиной тому европейская лексикографическая традиция. Но именно с когнитивной точки зрения это представляется сомнительным: как ошибки детей (типа *возьмить*, *зажжить*), так и заимствования из русского в другие языки (типа вепсск. *vojujda* «воевать») свидетельствуют о том, что в качестве «базовой» формы для носителей языка вполне может выступать и императив.

Поскольку русское глагольное словоизменение изучено и описано в высшей степени подробно, любому исследователю, обращаясь к этой теме, трудно претендовать на установление значимых новых фактов. Таким образом, Т. Нессет берет на себя очень ответственную задачу – показать, что предлагаемая им теория (когнитивная грамматика) объясняет соответствующие факты лучше (адекватнее и компактнее), чем все многочисленные теории, применявшиеся к тому же материалу ранее. Чтобы оценить, в какой степени автору книги удалось справиться с этой задачей, рассмотрим объяснения, предлагаемые им для трех морфонологических проблем: переходного смягчения (далее – ПС) согласных у глаголов II спряжения, выпадения *т* и *д* в формах прошедшего времени и распределения форм типа *кравищий* (с сохранением *в* и выпадением зубного) и форм типа *ведищий* (с выпадением *в* и сохранением зубного) от атематических глаголов с исходом на те же *т* и *д*. Анализ каждой из этих трех проблем служит для Т. Нессета

подтверждением какого-либо из важнейших положений предлагаемой им концепции: соответственно, о семиотической значимости морфонологических чередований, об избыточности глубинного представления словоформ и о применимости когнитивной грамматики к объяснению исторических изменений, происходящих на наших глазах.

Как известно, у русских глаголов II спряжения ПС представлено в двух формах – 1 л. ед. числа (*ношу*) и прич. страд. прош. (*ношенный*). Опираясь на примеры типа *Звери не кормлены*, Т. Нессет приходит к заключению, что семантическим компонентом, объединяющим эти две формы, служит представление о не прошедшем времени – «non-past» (с. 204). Это решение представляется неудовлетворительным со всех точек зрения. Прежде всего, значение «non-past» в огромном количестве случаев можно приписать и обычным формам прошедшего времени (ср. «А мне куклу **купили!**» = «А у меня **есть** кукла!»), что, как показывает комментарий на с. 103, прекрасно известно и самому Т. Нессету. Более того: именно в русском языке широко представлены примеры употребления *praeteritum pro futurum*, ср.: «До свидания, я **побежал**», «Еще десять минут, и мы **выиграли**» и т. п. Впрочем, наиболее существенно даже не это, а то, что, с учетом очевидной двойственности временной семантики прич. страд. прош., если бы ПС в этой форме отсутствовало, Т. Нессет мог бы с таким же успехом объяснить это обстоятельство ее принадлежностью к плану прошедшего. Иначе говоря, перед нами – не что иное, как классический порочный круг. Кроме того, все носители русского языка со школьных лет знают, что форма на *-енный* называется «страдательное причастие ПРОШЕДШЕГО времени», и это знание оказывает несравненно большее влияние на их восприятие этой формы, нежели тонкие нюансы ее значения. Непонятно также, как можно говорить о соотнесенности ПС с планом настоящее-будущего времени, если оно представлено в одной-единственной презентной форме, тогда как значительное большинство других презентных форм устроено совершенно так же (непереходно смягченный согласный + гласный *и*), как формы подпарадигмы прошедшего времени, ср. *носит* – *носил*, *носим* – *носили*, *носимый* – *носивший* и т. д. (как уже было сказано выше, от рассмотрения глаголов типа *писать*, где ПС действительно имеет место во всей подпарадигме настоящее-будущего времени – правда, при этом «почему-то» отсутствует в прич. страд. прош., – Т. Нессет отказывается в силу непродуктивности соответствующего класса!). Наконец, ПС наблюдается в двух примыкающих к парадигме спряжения

формах – отглагольном существительном на *-ение* (ср. *ношение*) и вторичном имперфективе (ср. *вынашивать*), индифферентных к противопоставлению настоящего и прошедшего времени. У нас нет никаких сомнений, что нынешний уровень развития семантики позволяет найти какой-либо инвариант для всех четырех форм, требующих ПС. Однако с учетом того, что йотация некогда произошла именно в этих формах по причинам, никак не связанным с их значением, и сохраняется в них и только в них уже на протяжении более чем тысячи лет, такой подход к данному чередованию не кажется нам перспективным. Конечно, автор рецензируемой книги мог бы пойти и иным путем, например, обратить внимание на то, что ПС в глаголах II спряжения абсолютно невозможно перед последующим *-и-*, ср. [Чурганова 1973: 213; Иткин 2007: 129], но, вероятно, он счел такой подход несовместимым с принципами когнитивной грамматики.

Выпадение согласных *т* и *д* в формах типа *вёл*, *прочёл* Т. Нессет связывает с тем, что результирующая модель совпадает с наиболее стандартной для прошедшего времени моделью «основа на гласный + консонантное окончание», ср. *играл*, *просил*, *пел* и т. д. (с. 142–143, раздел 7.5). Кажется вполне очевидным, что это «объяснение» не является таковым в принципе. В самом деле: оно осталось бы совершенно неизменным и в случае, если бы перед *-л* выпадали бы вообще все согласные, и в случае, если бы выпадению подвергались... все согласные, кроме *т* и *д*, т. е. наблюдалась бы картина, в точности обратная нынешней. В последующем комментарии к разделу 7.5 Т. Нессет пишет, что глубинные представления словоформ, позволяющие описать рассматриваемое чередование морфонологическим правилом типа «конечные *т* и *д* основы выпадают перед суффиксом *-л*», должны быть устранены из лингвистической теории, поскольку их использование противоречит принципу бритвы Оккама (с. 144). На наш взгляд, данный пример наглядно свидетельствует о том, что морфонологические правила обладают по крайней мере тремя преимуществами. Во-первых, никоим образом не будучи объяснением наблюдаемых в языке чередований, они и не создают иллюзии такого объяснения. Во-вторых, они позволяют обойтись одной строкой там, где в ином случае требуются две страницы и достаточно сложная для построения и восприятия когнитивная схема. Наконец, в-третьих, они во многих случаях обладают значительно большей обобщающей силой: так, выпадение смычных *т* и *д* перед *-л*-овыми суффиксами отмечается в русском языке и в других классах форм, ср. *палый*, *вялый*, *помело*, *поросль* и др. [Иткин 2007: 90].

При описании различий в образовании формы прич. действ. прош. у глаголов типа *красть* (ср. *крал* – *кра́ли* – *кравший*) и глаголов типа *вести* (ср. *вёл* – *вели́* – *ведший*) Т. Нессет, отмечая разницу в ударении, тем не менее считает основным признаком, противопоставляющим эти две группы глаголов, огубленность-неогубленность корневого гласного (с. 149). Поскольку глагол *прясть*, форма причастия от которого приводится в книге в виде *пря́дший* (с. 129), также имеет неогубленный гласный, автор предполагает, что этот глагол должен быть легко доступен для перехода в класс *красть*, и действительно обнаруживает, что в Интернете соотношение форм *пря́дший* и *пря́дший* составляет 17 : 0 (с. 150). К сожалению, в данном случае автор ломится в открытую дверь: глагол *прясть* в самом деле ничем не отличается от глаголов типа *красть*, и форма *пря́дший* давным-давно является в русском литературном языке единственно возможной. Что касается разделения глаголов по признаку огубленности гласного, то, хотя с формальной точки зрения использование этого признака корректно, как раз его объяснительная сила равна нулю. С одной стороны, опора на данный признак предполагает, что если бы глагол *блести* выглядел как **блисти*, образованное от него причастие имело бы вид **бливший*, а не **блидший*, что очевидным образом неверно. С другой стороны, как уже не раз доводилось писать одному из нас (ср. [Иткин 1994; 2007: 243–245; 2008]), появление огубленного гласного (т. е. переход [е] в [о]), скажем, в церков-

нославянизме *обрёл*, так же, как, например, в форме *сёк* (< *сѣклъ*), может объясняться только влиянием подвижного ударения – т. е. именно того фактора, который Т. Нессет считает «not essential for the argument» (с. 151).

Таким образом, несмотря на все достоинства этой, безусловно, интересной книги, остается лишь отметить, что рассматриваемая теория, на наш взгляд, не может выдержать конкуренции с самым обыкновенным формальным описанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иткин 1994 – И.Б. Иткин. Еще раз о чередовании *e* ~ *'o* в современном русском языке // ВЯ. 1994. № 1.
- Иткин 2007 – И.Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.
- Иткин 2008 – И.Б. Иткин. Contra analogiam // Языковые контакты в аспекте истории (VI Международная науч. конф. по сравнительно-историческому языкознанию). М., 2008.
- Нессет 2008 – Т. Нессет. Объяснение того, что не имело места: блокировка суффиксального сдвига в русских глаголах // ВЯ. 2008. № 6.
- Чурганова 1973 – В.Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Neset 1998 – T. Neset. Russian conjugation revisited. Oslo, 1998.

С.А. Бурлак, И.Б. Иткин